

Н. А. НЕКРАСОВ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ



Н. А. НЕКРАСОВ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ



Дагучпедгиз · 1978

Для младшего школьного возраста

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

Стихи для детей

Редактор И. Магомедова
Художественный редактор С. Магомедова
Технический редактор А. Масандилова
Корректор В. Пирбудагова

Сдано в набор 11.05. 1978 г. Подписано в печать 15.12. 1978 г. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бум. тип. № 2. Школьная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,35. Тираж 125000 экз. Цена 10 коп. Зак. № 562.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Дагестанской АССР. Махачкала, ул. Маркова, 32

Сортавальская книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Сортавала, Карельская, 42.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов провёл своё детство в деревне, близ Волги. Его отец был помещиком. Вся семья жила в барской усадьбе, в большом и просторном доме, а неподалёку от дома стояли убогие избы крестьян. Отец Некрасова запрещал ему бывать в этих избах: он считал, что дворянскому ребёнку нельзя дружить с детьми крепостных. Но мальчик, выбрав удобную минуту, тайком убегал в деревню, где у него было много друзей среди деревенских ребят. Он купался с ребятами в речке, собирал вместе с ними ягоды, грибы, а когда наступала зима и ребята уходили на Волгу кататься с крутых берегов на салазках, он и тогда не расставался со своими приятелями.

Барский дом стоял у самой дороги, а дорога в ту пору была многолюдная, бойкая. Стоило мальчику выйти за ворота усадьбы — он во всякое время мог встретить разговорчивых и добродушных людей: плотников, маляров, печников, землекопов, лудильщиков, переходивших в поисках работы из города в город.

Так с самого раннего детства Некрасову стала близка и мила жизнь простого народа.

Его няня была крепостная крестьянка, и поэтому первые сказки, какие ему привелось услышать, были старинные русские народные сказки, те самые, что в течение многих столетий рассказывали в каждой крестьянской семье каждому крестьянскому ребёнку. Сказки очень полюбились Некрасову, и он запомнил их на всю жизнь.

Любовь к полям и лесам своей родины, к её снегам и морозам, к её весеннему «зелёному шуму» тоже зародилась у него ещё в детские годы.

Уже в раннем детстве Некрасов был сильным и смелым, умел и грести и плавать, метко стрелял из ружья, мог вскочить на любого коня и мчаться на нём во весь дух.

Если бы мальчик воспитывался среди изнеженных барских детей, он, конечно, не был бы таким. Но его товарищами были крестьянские дети, привыкшие с самого раннего возра-

ста не отступать ни перед какими опасностями, и этой смелости он научился у них.

Добиться своего ценою любого труда стало для него с детства законом. Даже в ребяческих делах и затеях сказывалась его сильная воля. Однажды, поздней осенью, случилось ему подстрелить на озере дикую утку. Озеро у берегов было затянуто льдом. Собака, испугавшись холодной воды, заупрямилась. Десятилетний охотник кинулся в ледяную воду, поплыл за уткой и достал её.

«Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило», — писала его сестра в воспоминаниях о нём.

Мальчик был рад проводить дни с утра до вечера под открытым небом, в лесах и полях. Но дома, в родной семье, ему жилось очень горько. Его отец, Алексей Сергеевич, был одним из таких помещиков, которых тогда было множество: невежественный, грубый и буйный. Он угнетал всю семью и жестоко бил своих крестьян. Это доставляло мальчику много тяжёлых страданий.

Мать поэта, любящая, добрая женщина, бесстрашно заступалась за крестьян. Защищала она и детей от побоев сердитого мужа. Его это так раздражало, что он набрасывался на жену с кулаками. Она убегала от своего мучителя в дальнюю комнату и брала с собою любимого сына. Мальчик видел её слёзы и горевал вместе с ней.

Когда Некрасову исполнилось десять лет, его отдали в ярославскую гимназию. Учителя в гимназии были плохие; они требовали от учеников только зубрёжки и за всякую провинность секли их розгами. Ничему путному такие учителя не могли научить любознательного, богато одарённого мальчика. Некрасов не кончил гимназии. Он ушёл из пятого класса, так как отец отказался внести плату за его обучение.

К счастью, в эти годы мальчик полюбил читать книги. Книги заменили ему школу. С жадностью прочитывал он всё, что мог раздобыть. Но этого ему было мало, и вскоре он задумал уехать из деревни в Петербург, чтобы поступить в университет, стать студентом. Петербургом назывался тогда Ленинград.

Некрасову шёл семнадцатый год, когда он впервые приехал в столицу.

В Петербурге Некрасову жилось очень трудно. Отец хотел, чтобы сын поступил в военную школу, а сын стал хлопотать, чтобы его приняли в университет. Отец рассердился и заявил, что не вышлет ему больше ни копейки денег. Юноша остался без всяких средств к жизни. С первых же дней по приезде в столицу Некрасову пришлось добывать себе пропитание тяжёлым трудом.

Поселился он в убогой каморке, которую снимал с одним

товарищем. Однажды им нечем было заплатить за эту каморку, и хозяин выгнал их на улицу.

Ютясь то на чердаке, то в подвале, без хлеба, без денег, без обуви, Некрасов на себе испытал, каково живётся бедноте и как обижают её богатые люди.

В стихах, которые писал Некрасов, он рассказывал, как тяжко живётся трудящимся людям в крепостной деревне и в капиталистическом городе, и призывал народ к борьбе с угнетателями. Особенно много стихов написал Некрасов о крестьянах. И когда читаешь эти стихи, кажется, будто сами крестьяне рассказывают о своих трудах и печалях, — так хорошо знал Некрасов их жизнь и так близко принимал её к сердцу.

Стихи Некрасова написаны прекрасным, певучим, замечательно богатым и в то же время очень простым языком, тем самым, которому поэт научился ещё в детские годы, живя в ярославской деревне. Он чудесно владел крестьянской речью, и она звучит в его стихах так просто, естественно и так хорошо.

Корней Чуковский

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

...Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой [1],
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой, [2]
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух и козявок,
Корней молочко ему отдал своё —
Не пьёт! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве,[3] где матка[4] колотит бельё,
Кто нянчит сестрёнку, двухлетнюю
Глашку,
Кто тащит на пожню [5] ведёрко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок,
Всё беленький, жёлтенький,
бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припёке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку[6]:

---

[1] **Гурьбой** — *весёлой, шумливой группой, ватагой.*
[2] **Косой** — *заяц.*
[3] **На лаве** — *на деревянных мостках на реке или на пруду.*
[4] **Матка** — *мать.*
[5] **На пожню** — *на луг, на покос.*
[6] **Ловит лукошком лошадку** — *то есть приманивает лошадь лукошком (корзиной) с овсом.*

Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рождённой
И в фартуке с поля домой принесённой,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех,
Набили оскому[1]: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем,ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

---

[1] **Оскома, или оскомина** — *вяжущее и стягивающее ощущение во рту.*



МУЖИЧОК С НОГОТОК

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке
овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе
мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо[1];
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? —
«Власом».

— А кой тебе годик? — «Шестой
миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка
басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.

[1] **Вестимо** — *конечно.*



КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ

...Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь её тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает—
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же
Гришуха? —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах»,— сказала
старуха.
— Гришуха! — отец
закричал,

На небо взглянул: — Чай, не
рано?
Испить бы... — Хозяйка
встаёт
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подаёт.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зелёным кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит,
пострелёнок,
Горит под ногами трава! [1] —

---

[1] Горит под ногами трава (поговорка) — *очень быстро бежит.*

Гришуха черён, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал [1] баушку,[2] матку,
Сестрёнку — вертится
вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал
и савраска:
Он шею тянул да тянул,
Добрался,— оскаливши
зубы, —
Горох аппетитно жуёт
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берёт...

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька,[3]
с собой! —
Спрыгнула с мешка —
и упала,
Отец её поднял: «Не вой!..»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатил

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой
взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

---

[1] Попотчевал (потчевать) — *угостил.*
[2] Баушку — *бабушку.*
[3] Тятька — *отец.*

Как дети с отцом
приближались
К дымящейся риге[1] своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

---

[1] **К риге** — *к большому сараю, где молотят хлеб и сушат снопы.*



МОРОЗ-ВОЕВОДА

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде.
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Забравшись на сóсну
большую,
По веточкам палицей[1] бьёт
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,[2]
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли,—
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли...

Богат я, казны [3] не считаю,
А всё не скудеет [4] добро;
Я царство моё убираю
В алмазы, жемчуг, серебро...»

---

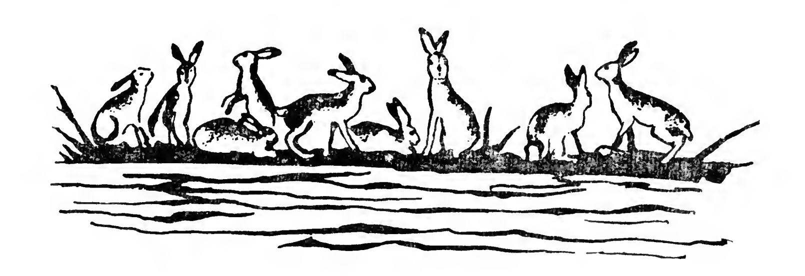
[1] **Палицей; палица** — *тяжёлая дубинка с утолщённым концом.*
[2] **Упрячу под гнёт** — *то есть покрою снегом, спрячу под лёд.*
[3] **Казны** — *денег.*
[4] **Не скудеет** — *не уменьшается.*



ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Некрасов в свободное время всегда уезжал из Петербурга и скитался с ружьём по костромским, ярославским, новгородским лесам и полям — он любил охотиться. Так отдыхал Некрасов от своей тяжёлой работы. Переходя с ружьём из деревни в деревню, он знакомился с крестьянами, живущими там, присматривался к их жизни, прислушивался к их разговорам и порою тут же, в крестьянской избе, записывал то, что ему приходилось услышать от них.

Особенно дружил Некрасов с такими крестьянами, которые и сами любили охотиться. Много интересных историй рассказал поэту старый крестьянин Мазай, с которым он нередко ходил на охоту. Жил Мазай в деревне Малые Вежи, среди дремучих костромских лесов, в болотистой, низменной местности, где водилось очень много всякой дичи[1].



Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками[2] её не давили;
Зайцы вот тоже — их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,[3]—
Нет! ещё мало! Бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.[4]

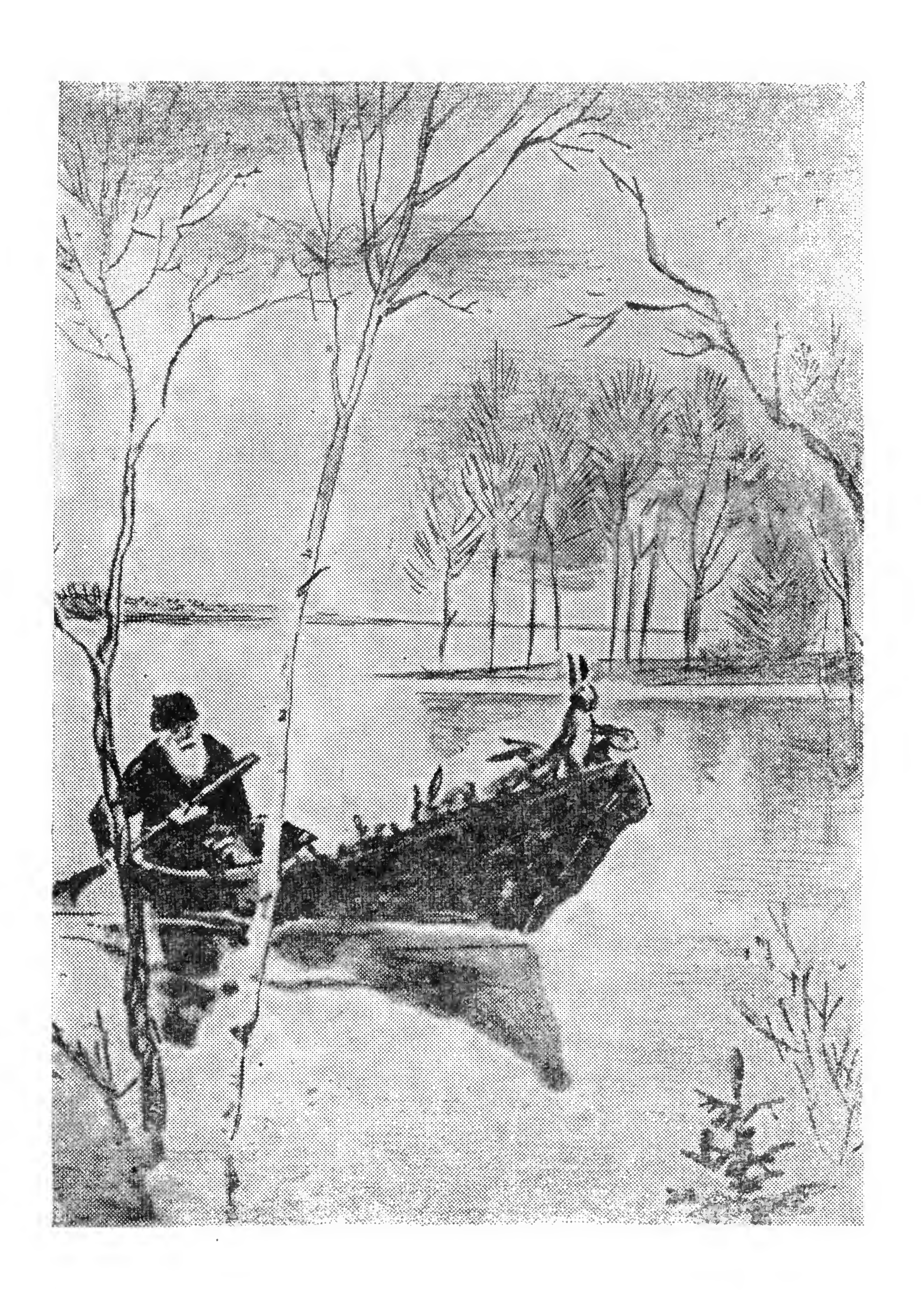
---

[1] **Водилось... много дичи** — *было много птиц и зверей, на которых охотятся.*
[2] **Силками; силок** — *приспособление в виде петли для ловли птиц и зверей.*
[3] **Гинут** — *гибнут.*
[4] **Баграми; багор** — *железный крюк на длинной палке.*

Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними
осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени[1] в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,[2]
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то!— сказал я.— Не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя,[3] плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,[4]
Взял и его — тягота не велика![5]
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном[6] —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло;
Сидя, и стоя, и лёжа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нём!
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —

---

[1] **Аршин, сажень** — *старые русские меры длины.*
[2] **Лопочут ушами** — *шевелят ушами.*
[3] **Гуторя (гуторить)** — *разговаривая.*
[4] **Горемыка** — *несчастный.*
[5] **Тягота не велика** — *тяжесть небольшая.*
[6] **Зипуном (зипун)** — *крестьянской верхней одеждой.*



Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур — зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... У-у-ух!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок[1].
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись[2];
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка![3]

---

[1] **Приволок** — *принёс, притащил.*
[2] **Плотно наелись** — *хорошо наелись.*
[3] **Дали стречка** — *быстро убежали.*

Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом:
Шкура плохая — линяет косой...»



ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Когда в России не было железных дорог, люди путешествовали в кибитках, в тарантасах, в каретах и в санях. Проедут вёрст тридцать — сорок и остановятся: нужно менять лошадей. Для этого на всех главных дорогах (они назывались тогда столбовыми) были особые домики (станции), при которых находились конюшни. Путешествовавшие помещики, офицеры, чиновники, добравшись до станции, платили станционному смотрителю деньги и, получив от него других лошадей, ехали дальше. А ямщик, который привёз их, ехал обратно («обратный ямщик») — на ту станцию, откуда он выехал.

В стихотворении «Генерал Топтыгин» Некрасов рассказывает, как одному из ямщиков случилось встретить по дороге вожака, который вёл ручного медведя, и какая из этого вышла история.

В прежние времена медведей водили по городам и деревням на цепи. Поймает охотник в лесу медвежонка, продаст его вожаку. Тот вденет ему в нижнюю губу большое кольцо, приладит к кольцу крепкую железную цепь, научит его кувыркаться, выделывать всякие штуки, плясать и отправляется вместе с ним странствовать. Показывает медведя на деревенских базарах, на городских площадях. Зрители рады, смеются, бросают вожаку кто копейку, кто грош. Вожак соберёт эти деньги и отправляется дальше. А за ним, на цепи, — медведь.

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный[1].
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщичок обратный;
Не спешит, труси́т слегка́[2];
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы[3].
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем.
«Посади нас, паренёк,
Веселей доедем!»

---

[1] **Знатный** — *здесь: крепкий, сильный мороз.*
[2] **Трусит слегка** — *едет мелкой рысцой.*
[3] **Рытвины, ухабы** — *ямы на дороге.*

—Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирён,—
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит,— нет ребят,
То-то выпьют лихо![1]
Но привычные стоят
Лошадёнки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее[2] на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,

Кони дёрнули; стряслась[3]
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха![4]

---

[1] Лихо — *здесь: много.*
[2] Стужа злее — *мороз сильнее.*
[3] Стряслась — *произошла, случилась.*
[4] Экая поруха — *вот беда.*

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;[1]

Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный
мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок[2]
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Вёрст пятнадцать на весь
мах[3]
Бедные отдули![4]

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит[5] выдернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель[6] на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах[7],
Что с железом губа,

---

[1] **Ретиво** — *старательно, громко.*
[2] **Седочок** — *тот, кто сидит на возу; здесь: медведь.*
[3] **На весь мах** — *стремительно, очень быстро.*
[4] **Отдули** — *здесь: проехали.*
[5] **Ладит** — *хочет, старается.*
[6] **Смотритель** — *начальник почтовой станции.*
[7] **Впопыхах** — *торопясь.*

Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин-материк[1],
«Генерал», — смекает[2].
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий[3] старичишка;
Тут во всю медвежью мочь[4]
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту[5]
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки[6],
Что-то тут не гоже![7]
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревёт,
Как медведь в берлоге!»

---

[1] Барин-материк — *важный барин.*
[2] Смекает — *думает, догадывается.*
[3] Юркий — *ловкий, быстрый.*
[4] Во всю мочь — *во всю силу.*
[5] На тракту — *на большой дороге.*
[6] Дело не с руки — *здесь: дело непонятное.*
[7] Не гоже — *не так, не годится.*

Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради[1],
Жмутся около саней;
А смотритель сзади;

Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал,
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил[2] народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

Подумайте только, какой страх вызывали в те времена всевозможные господа и начальники, если их можно было принять за зверей! И как трепетали перед ними все трудящиеся люди! Недаром старик смотритель говорит о себе:

...нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих...

Эти строки Некрасова говорят нам о том, что в ту пору богатые и знатные люди могли безнаказанно избивать бедняков, которые почему-либо вызывали их гнев.

Сорок лет прослужил на своей станции старый смотритель, и за это время проезжавшие генералы, чиновники, помещики выбили ему зубы, сломали ребро и так запугали, что даже рычание зверя показалось ему генеральской бранью.

---

[1] **Ради** — *здесь: рады.* **Потехе ради** — *рады забаве, веселью.*
[2] **Вразумил** — *объяснил, убедил.*

ШКОЛЬНИК

Одного из таких голодных, босоногих школьников поэт встретил однажды на пустынной проезжей дороге и вспомнил при этом Михаила Васильевича Ломоносова, великого «архангельского мужика», который, желая учиться, пришёл пешком в Москву из далёкой северной деревни. Ломоносов жил впроголодь, бедствовал и всё же учился. Он прочитал множество книг, изучил физику, химию, металлургию и другие науки и в конце концов стал знаменитейшим русским учёным, сделавшим много замечательных научных открытий.

Некрасов указывает в своём стихотворении, что не один Ломоносов, но и многие другие великие люди вышли в России из простого народа.

— Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невесёлая дорога...
Эй, садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идёшь...
Знаю, батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачок,[1]
Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?..[2] Ну что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадёшь!

---

[1] **Четвертачок (четвертак)**— *четверть рубля, двадцать пять копеек.*
[2] **Дворовый из отпущенных** — *крепостной, которого барин отпустил на свободу.*

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик [1]
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых,
благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

---

[1] **Архангельский мужик** — *так Некрасов называет великого русского учёного и писателя Ломоносова.*



РУБКА ЛЕСА

Саше случалось знавать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали.

Ей и теперь его жалко до слёз.
Сколько тут было кудрявых берёз!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

По́низу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В тёмную нору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник[1] валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом её нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мёртвого топчет героя.

---

[1] **Осинник** — *осиновый лес.*

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой берёзы
Градом лилися прощальные слёзы

И пропадали одна за другой
Данью[1] последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна.

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали...

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, берёзам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

---

[1] **Данью (дань)**— *здесь: приношением, подарком.*

НА ВОЛГЕ

Много красивейших рек видел в своей жизни Некрасов, но больше всех рек на свете он любил свою родную Волгу, на берегах которой прошло его детство.

С любовью говорил он о Волге:

Благословенная река,
Кормилица народа!

Но так как с юношеских лет и до старости он работал в Петербурге, ему редко удавалось съездить к любимой реке. В стихотворении «На Волге» поэт рассказывает, как он был рад, когда однажды, после долгой разлуки, ему посчастливилось снова увидеть её.

Но радость Некрасова была коротка: вдруг невдалеке, на берегу, он заметил толпу бурлаков: шагая по берегу, они тащили за собой на верёвке тяжело нагруженные баржи. Пароходов в те времена ещё не было. Суда могли плыть только вниз по течению, а против течения, вверх по реке, их чаще всего волокли бурлаки. Работа у них была очень тяжёлая. Сгибаясь под лямкой, они стонали от натуги и боли. В бурлаки шли самые бедные, безземельные, бездомные крестьяне, которые ни в деревне, ни в городе не могли найти более лёгкой работы.

О Волга! после многих лет
Я вновь принёс тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов...

Уж скоро полдень. Жар
такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несётся крик перепелов...

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на́ берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный
крик —
И сердце дрогнуло во мне.
О, Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушёл бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушён.

Я знать хотел, что значит
он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котёл с расшивы[1] принесли,
Уселись, развели костёр
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний[2]
попадём? —
Один сказал: — Когда б
попасть
Хоть на Илью[3]... — «Авось,
придём, —
Другой, с болезненным
лицом,
Ему ответил: — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы ещё...»
Он замолчал и навзничь[4] лёг.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможённые черты
И выражающий укор
Спокойно-безнадёжный взор...
Без шапки, бледный, чуть
живой,
Лишь поздно вечером домой

---

[1] **С расшивы (расшива)** — *с большого парусного судна.*
[2] **В Нижний** — *Нижний Новгород — город на Волге. Теперь г. Горький.*
[3] **На Илью** — *Ильин день — летний церковный праздник.*
[4] **Навзничь** — *на спину.*

Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименький, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось
со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;



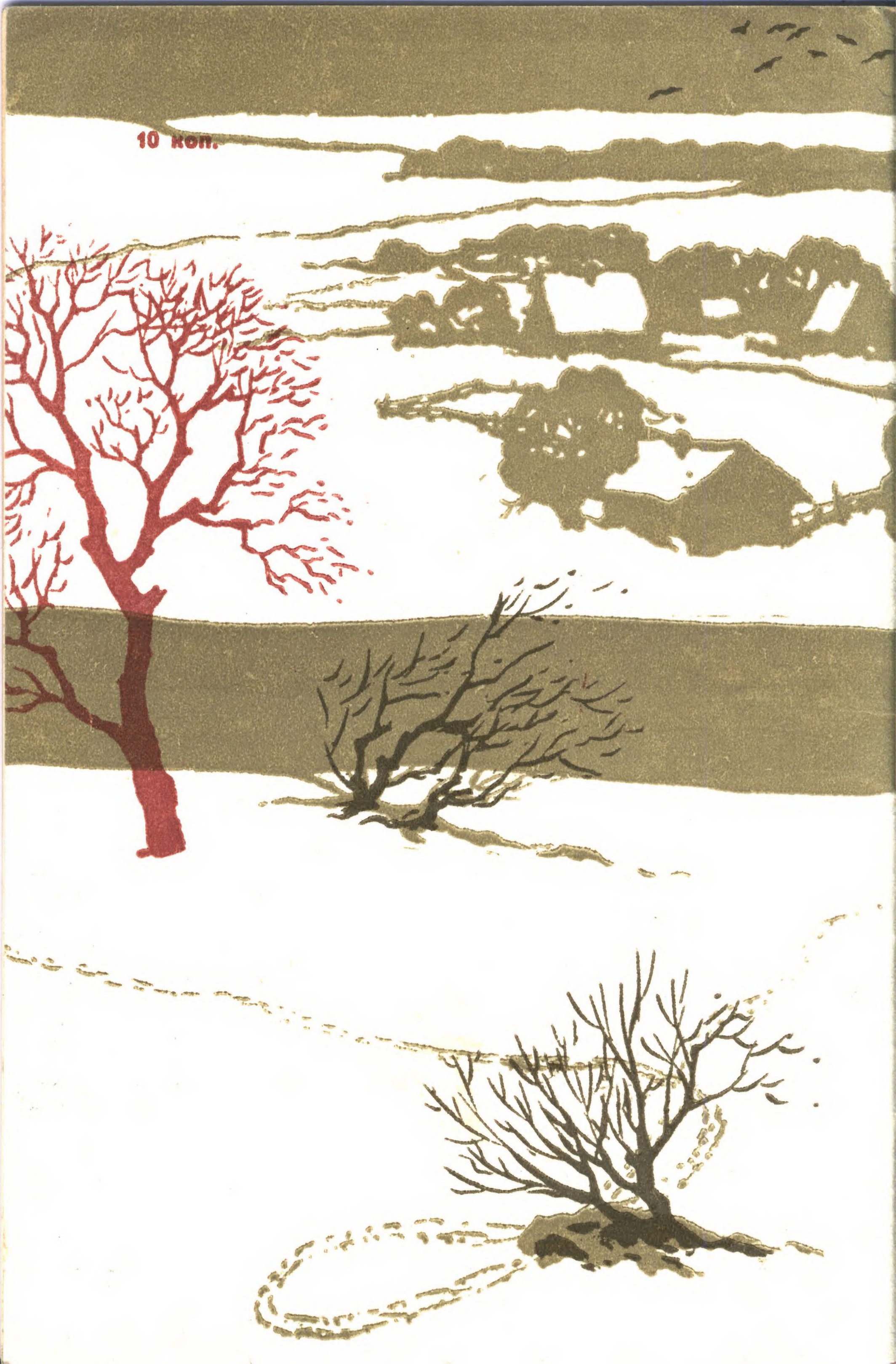
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый
крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрёт в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

СОДЕРЖАНИЕ




10 коп.